

<отрывок; о Фонвизине, Кантемире и Радищеве>

...Первый значительный, серьезный, продолжительный литературный успех выпал на долю комедий Фонвизина, написанных в середине царствования Екатерины II. Фонвизин, человек весьма образованный, философ в смысле энциклопедистов, сам принадлежал к высшему обществу и пробыл довольно продолжительное время при русском посольстве в Париже; он не мог сдержать своего сатирического вдохновения при виде полуварварского общества, с утонченно-цивилизованными манерами. Он попытался воспроизвести эту удивительную смесь на сцене, и это удалось ему в совершенстве. Публика помирала со смеху, видя осмеянной себя без всякой пощады. Успех «Бригадира»* был чрезвычайный, полный. Князь Потемкин, при всех его недостатках далеко не был лишен известной широты понимания; встретивши автора после первого представления «Бригадира», на котором он присутствовал, при выходе из театра, он взял его за руку и сказал, глубоко взволнованный: «Фонвизин, умри теперь».

Но Фонвизин сделал лучше: он написал другую комедию. Успех «Недоросля» значительно превзошел успех «Бригадира». Это произведение сохранится навсегда в русской истории и литературе, как картина нравов русского дворянства, возрожденного Петром I.

Этот первый смех — сатиры князя Кантемира представлял лишь подражание — далеко отозвался и разбудил целую фалангу великих насмешников, и их-то *смеху сквозь слезы* литература обязана своими крупнейшими успехами и большею частью своего влияния в России.

Смех, это самобичевание, был нашим искуплением, единственным протестом, единственным мщением, возможным для нас, да и то в весьма ограниченных пределах.

Как только сознание пробудилось, человек с отвращением увидел окружающую его гнусную жизнь: никакой независимости, никакой личной безопасности, никакой орга-

* Командир бригады, между полковником и генералом, чин. не существующий более в русской армии.

нической связи с народом. Само существование было лишь своего рода общественной службой. Жаловаться, протестовать — невозможно! Радищев попробовал, было. Он написал серьезную, печальную, полную слез книгу. Он осмелился поднять голос в защиту несчастных крепостных. Екатерина II сослала его в Сибирь, сказав, что он опаснее Пугачева. Насмехаться было безопаснее: крик ярости принял личину смеха, и вот из поколения в поколение стал раздаваться зловещий безумный смех, который силился разорвать всякую солидарность с этим странным обществом, с этой нелепой средой, и который боясь быть смешанным с нею, указывал на нее пальцем. Не существует, кажется, другого народа в мире, который вынес бы это, и литературы, которая дерзала бы на это. Единственное исключение представляет, быть может, Англия, но при этом следует заметить, что великий смех Байрона и горькая насмешка Диккенса имеют пределы, наша же неумолимая ирония, наш страстный самоанализ ни перед чем не останавливается, все разоблачает без всякого страха, так как у него нет ничего святого, что он мог бы профанировать...